

Виталий Товиевич Третьяков –
декан Высшей школы телевидения МГУ
имени М.В. Ломоносова

Из СССР в Россию и обратно Воспоминания*

Вопросы языкознания

Тот, кто читал мою первую, вышедшую в 2013 году, книгу «Из СССР в Россию и обратно», возможно, помнит, что я собирался написать главу под вышеозначенным названием в ней. Но не сподобили меня боги мемуаристики и лингвистики сделать это там.

Во второй книге я, конечно, даже если и вопреки воле этих богов, не могу этого не сделать.

Сегодняшние наши языки и говоры – разговорный, медийный и даже пе-

чатный литературный – приводят меня в ужас. По-моему, уже сформировался и стал доминирующим во всей сфере бытования язык, который я называю *вульгарный русский*. Это язык, противостоящий и классическому русскому литературному языку, и разного вида региональным русским говорам, и профессиональным и групповым жаргонам, включая *блатную феню*. Подробнее на сей счёт я высказываюсь в своей «Теории телевидения», которая должна выйти в свет в конце 2014 года. Сейчас же и здесь – мои беглые

* Фрагмент из выходящего в июне в издательстве «Ладомир» второго тома воспоминаний: *Третьяков В.Т. Из СССР в Россию и обратно: Воспоминания. Книга первая. Детство и отрочество. Часть вторая. Княжекозловский переулок (1964–1968). Часть третья. Пионерский лагерь. Беглый лексикон 50-х и 60-х годов XX века.*

и отрывочные заметки по поводу *вульгарного русского*, символом которого является постоянно звучащее сегодня из уст не только мелкотравчатой попсы и эстрадно-телевизионных выходцев из Ростова-на-Дону и малороссийских сёл и местечек, но и персон министерского и выше уровня, а самое преступное — из уст лиц, носящих звание народных артистов и даже *артисток* России и СССР — «Я просто обалдел!» или «Я просто обалдела!» Уверен, что мхатовские старики и старухи, а равно корифеи и корифейки Малого театра, пусть земля им будет пухом, а советские учебники русского языка услугой, слыша это (а как могут не слышать? — из каждого телеприёмника несётся ежеминутно), переворачиваются в гробах и матерятся в своих могилах на Новодевичьем и Ваганьковском кладбищах...

Расхожее сейчас, причём и в языке вполне взрослых и образованных людей, слово «*фотки*» я впервые услышал летом 1972 года в деревне Петровка Целиноградской области Казахской Советской Социалистической Республики от подростков-школьников, помогавших нам, студентам-целинникам из стройотряда факультета журналистики МГУ, строить местную школу.

Это слово тогда почему-то сразу резануло мне слух. Я подумал: всё-таки есть различия между столичной интеллигенцией и простыми жителями дальней окраины страны.

За сорок лет примитивное словцо из лексикона малообразованных провинциальных паренёв не только распространилось по всей стране, но и угнездилось в языке цвета её интеллигенции.

Слово «*красавчик*» я впервые услышал из уст молодого и весёлого инженера-армянина Гены из Баку, с которым нас свела судьба в Москве в самом

начале 80-х годов. Я тогда ещё подсмеивался над этим и другими подобными (но запомнил только это) словечками человека с высшим образованием, но из восточной провинции Большой России, при каждой нашей встрече говорившего мне: «*Ну ты красавчик, Виталий!*»

Не внешний облик мой он хвалил. Это была его обобщённая положительная (даже восхищённая) оценка меня. Причём такая, что всякий раз, когда я её слышал, она не столько меня умиляла, сколько раздражала — именно лексически.

Теперь эпитетом «красавчик» награждают друг друга сливки сливок московской богемы, творческого криминалитета и даже гуманитарной интеллигенции.

«*Кушаю*» — так (применительно к себе: «*Я кушаю*») во времена моей молодости говорили только в деревнях, причём, как правило, на Юге Рос-

сии. Там же самую большую комнату — что в городской квартире, что в сельском доме, — которую в Москве называли *гостиной*, именовали «*зала*». Сейчас «кушать» вместо «есть» и «зала» вместо «большая комната» или «гостиная» я слышу от тех, которые и называют, и считают себя москвичами.

Порча русского литературного языка за последние десятилетия, но особенно, конечно, за последние (с конца 80-х годов) двадцать пять лет, произошла страшная. По моим ощущениям — катастрофическая.

В американском боевике постаревший полицейский, отказываясь от какого-то рискованного предприятия, говорит голосом русского актёра, который его озвучивает: «*Я не хочу перед пенсией отправиться в тмутаракань!*»

Для меня это звучит *дико* — в буквальном смысле этого слова. И не только потому что, уверен, ни один полицейский

США понятия не имеет о таком месте в мире, которое называлось Тмутаракань. Может быть, вообще только сотни две американских славистов из всех граждан США знают это слово. Вставленная в речь американского полицейского авторами русского текста этого фильма «тмутаракань» означает для меня абсолютную потерю формально образованными людьми чувства и понимания родного языка.

В телесериале об Анне Герман (2012 года выпуска) кто-то из героев называет войну *войнушкой!* Да не было в наше время такого слова. Вообще! В того же года выпуска телефильме об Отечественной войне 1812 года то ли солдат, то ли даже офицер перед Бородинским сражением говорит своему товарищу: «Дырку от бублика получит Наполеон, а не Москву!»

Я понимаю, что капитан Желов в исполнении Владимира Высоцкого обладает притягательностью, почти равной Чапаю из анекдотов. Но не до такой же степени, чтобы переносить его фразы аж на полтора века назад...

Имеет место быть... Это выражение-плеоназм сочинено столичными интеллигентами в 70-е годы во время пьяных застолий, в которых политическое брюзжание перемежалось, если настроение было получше, а выпито было побольше, ироническими словесными играми. Именно на таких застольях родились и «морда лица», и «шутка юмора», и это ныне звучащее из уст официальных лиц и по всем внешним признакам интеллигентных людей (и даже интеллектуалов), но уже без всякой иронии, без всякой игры, без всякой пародийности, а *сурьёзно* и потому особенно ужасное «имеет место быть». Да, в 70-е годы мы любили, иронизируя над простыми ра-

ботягами и отчасти над собой, сказануть: «Ну что? Выьем из горла?» А теперь так говорят все и всегда. Возможно, за исключением только *работяг*.

Но «из горла», судя по всему, хоть превратилось в устойчивое выражение, используемое только ситуативно — когда действительно приходится пить из горлышка бутылки. А «искра»?

Во времена моей молодости так говорили только шофёры и автослесари. Известное: «Искра в землю ушла». Интеллигенты — только тогда, когда пересказывали, как отремонтировали их «Жигули» в автосервисе, или в разговоре с этими самыми шофёрами (но не *шоферами*) и автослесарями (но не *автослесарями*).

А теперь так говорят все! Великовозрастные интеллигенты и студенты гуманитарных факультетов университетов.

Когда я слышу «искра», вылетающее из якобы интеллигентных гуманитарных уст, я всякий раз думаю: а как они теперь читают (если читают) знаменитое: «Из искры возгорится пламя»? Бог весть...

Да, ещё в первой книге я обещал посвятить отдельную главу *речи того времени*, но не выполнил обещания. Сейчас настала пора это сделать. Более того, этого нельзя не сделать, так как без особенностей языка того или иного времени нет ни духа, ни вкуса этого времени. Пожалуй, и сути времени без его языка не поймёшь.

Разумеется, мои воспоминания в этом смысле очень поверхностны — я фиксирую, во-первых, речь той среды, в которой я жил и учился. Во-вторых, настолько, насколько я всё это помню и способен отделить прошлое от настоящего, а более отдалённое прошлое от менее отдалённого. И тем не менее — без языка никак нельзя...

Сначала несколько общих наблюдений, основывающихся на воспоминаниях.

С определённого возраста все, конечно, знали мат. Но при этом строжайше и в первую очередь не из-за страха наказания соблюдались следующие нормы. Взрослые, как правило, не ругались матом при детях. Тем более это относилось к родителям их собственных детей.

Дети, вполне свободно и довольно часто, но отнюдь не всегда использовавшие мат в разговорах между собой, никогда не матерились при взрослых. Мальчики никогда не ругались матом, если в их компании или даже рядом находилась хотя бы одна девочка или женщина. Девочки вообще не ругались матом (но, конечно, не знаю, распространялось ли это и на их общение между собой). Не помню такого ни от одной из своих одноклассниц с первого по десятый класс. Впервые матерящихся девушек я увидел и услышал только в университете. Но и их было меньшинство.

Исключений из описанных мною формальных и неформальных, но всё равно соблюдаемых правил использования мата было мало. Причём такие исключения всегда и всеми воспринимались негативно или брезгливо. Если кто-то в публичном месте (в транспорте, например) при женщинах, а тем более при детях начинал непристойно выражаться — как правило, это были пьяные, — то им обязательно делали замечание — как женщины, так и мужчины. И как правило же, это срабатывало — без какой-либо агрессии со стороны сквернослова. Я и сам, когда повзрослел, делал такие замечания.

Никогда не слышал, чтобы матерились дети младшего возраста, но примерно с семи лет этим языком овладевали

все. Однако и в мальчишеской среде мат не являлся доминирующей формой речи. Более того, на постоянно матерящегося сверстника смотрели как на человека, мягко выражаясь, недалёкого, а проще говоря — как на умственно ограниченного или даже придурковатого.

Вообще в то время использование матерщины прощалось дурачкам и очень старым людям, которые воспринимались как выжившие из ума, а потому не контролируемые себя. Даже пьяный человек, как считалось, имел возможность и должен был контролировать свою речь.

Теперь о неправильностях в моей речи, которые я вынес из детства. Я точно помню только один такой казус, а именно — повелительное наклонение глагола «лечь». Вслед за матерью я (опять же — до университета) говорил не «ляг», а «ляжь». Впрочем, было ещё некоторое количество иных слов, в которых я с детских лет ставил неправильное (не по тогдашней норме) ударение. Но вспомнить их я уже не могу.

А относительно «ляжь» я одно время мучился вопросом, почему есть глагол «лежать», а «ляжь» говорить нельзя. И ещё: можно «положить», а вот «ложить» нельзя, а можно только «класть». Но и «покласть» нельзя (хотя многие так говорили), можно (и нужно) говорить «положить», и даже имеется слово «поклажа». Сам я «ложить» никогда не говорил, а интерес к этой нелитературной глагольной форме появился у меня, как и у других, после просмотра фильма «Доживём до понедельника».

В известном эпизоде с этим словом меня удивила не сама коллизия, а то, что учительница произносила слово, никогда не слышанное мною не то что от учителей нашей далеко

не элитной, выражаясь нынешним языком, школы, а проще говоря — школы из рабочего района, но даже и от соседей по нашему дому, большая часть которых были простыми рабочими. Посему мне этот эпизод сразу показался каким-то искусственным. Сейчас же — ежедневно слышу это слово по телевизору. И не в кинофильмах...

После того как «Доживём до понедельника» с триумфом прошёл по киноэкранам, его стали постоянно показывать по телевизору. В частности, к 1 сентября. И он вытеснил довоенный фильм «Сельская учительница» с Верой Марецкой, которым до того телевидение открывало каждый но-

вый учебный год.

Повзрослев, я продолжал этот фильм любить и смотреть, задумываясь над разными его эпизодами. И однажды понял, что широкая публика обратила внимание на эту языковую ошибку просто потому, что вокруг неё выстроен один из ключевых эпизодов фильма. Между тем я нигде не читал и не слышал, чтобы было отмечено, что в эпизоде с сочинениями гораздо более опытная учительница, причём учительница русского языка и литературы, возмущается публично оглашённым желанием ученицы «иметь много детей», но при этом абсолютно игнорирует, что та зачитала вслух и продолже-

Светлана Михайловна, учительница русского языка из фильма «Доживем до понедельника»

ние этой фразы, неправильно употребляя собирательные числительные. Она сказала, уточняя свою мысль о многодетности: *«Двоих мальчиков и двоих девочек!»* И даже, кажется, повторила эти слова.

Не должна была учительница русского языка, даже в приступе возмущения *«развратностью»* своей любимой ученицы, не отреагировать на неправильное употребление в этой фразе собирательных числительных. *Двоих девочек* — это вообще нонсенс. Но и *«двоих мальчиков»* говорить нельзя.

По-моему, в этой сцене режиссёр фильма Станислав Ростоцкий рассчитывал, в частности, на внимание именно к этому нюансу: возмущаясь естественным желанием почти взрослой девицы, учительница русского языка не замечает сделанных ею двух грубых ошибок. А должна была бы сказать хотя бы так: *«Ты сначала научись по-русски грамотно писать и говорить, а потом уж думай о детях, которых ты, между прочим, должна будешь учить говорить!»*

Сейчас, по-моему, с такой точки зрения эту сцену почти никто уже не может оценить. Ведь теперь все даже по телевизору говорят и в газетах пишут *«четверо полицейских»*, *«пятеро солдат»*. В одной газете (между прочим, со славной советской историей, то есть не

из новосозданных) я к ужасу своему прочитал в заголовке или подзаголовке даже такое — *«девятеро “Жигулей”!»*

Скоро, увешивая я своих студентов, вы будете — вслед за телевизором — говорить *«двадцатеро мужчин»* и *«семьдесятеро подростков»*.

Возьмите в руки, наставляю я их, классические книги. Даже открывать эти книги не нужно — взгляните только на обложки. Или вспомните названия старых фильмов: *«Два капитана»*, *«Три мушкетёра»*, *«Четыре танкиста и собака»*, но *«Трое в лодке, не считая собаки»*, *«Сердца четырёх»*, *«Семеро смелых»*... Исключение — *«Волк и семеро козлят»* (но *«Белоснежка и семь гномов»*).

«Три человека», но *«из леса вышли трое»* — эта формула известна мне со времён школы и университета. А сейчас что делают с числительными?! Уши хочется заткнуть...

Да, сейчас даже странно вспоминать об этом, так как ныне с экрана телевизора и от людей, претендующих на статус интеллигентов или интеллектуалов, ты слышишь *«склады»*, *«цеха»*. В начале 2013 года я увидел по телевизору старый советский, середины 50-х годов, кинофильм о заводской жизни, где рабочий (!) задал вопрос: *«Что происходит в цехе?»*, — а не *«в цеху»*, как сейчас говорят практически все.

В 60-е годы некоторые слова, довольно свободно использовавшиеся в разговоре между хорошими знакомыми, всё равно считались грубыми и просторечными, а посему никогда не звучали по телевизору. Например, сейчас почти каждый день слышишь от кого-нибудь, в том числе и от вполне интеллигентных (по внешним признакам), людей присловье: *«Зачем мне этот геморрой?»* В наше время, включая все 70-е и 80-е, это было совершенно невозможно. Мало того что в обыденной речи названия всех *стыдных* болезней использовались крайне редко. Некоторые из этих названий являлись просто официальными медицинскими терминами, но считалось неприличным употреблять их в устной речи. Например, сифилис называть сифилисом было можно, а вот поименовывать публично *триппер* — нет. То же и к *геморрою* относилось. А сейчас *геморрой* (в смысле любой проблемы, даже не болезни) — расхожее в телеэфире слово, которое с лёгкостью произносят даже артисты старых московских театров. Причём не только мужчины, но и женщины! Знатоки, любители и почитатели литературного русского языка, извините меня за то, что здесь и ниже я вынужден выходить за рамки литературной нормы и своих личных языковых правил, но ничего не поделаешь.

Слова *«задница»* и *«жопа»*, конечно, использовались взрослыми при детях. В частности, при угрозе наказания (например: *«Не будешь слушаться — отлуплю по заднице!»*), но весьма и весьма дозировано. Или при употреблении каких-либо устойчивых выражений — как традиционных, так и бытовавших в то время.

Слово *«говно»* я впервые услышал в публичном простран-

Кутузов из фильма Сергея Бондарчука «Война и мир»

стве с экрана телевизора, а именно: при демонстрации по телевизору последней серии фильма Сергея Бондарчука «Война и мир». Там фельд-маршал Кутузов, сообщая о разгроме французов, вдруг во всеуслышание произносит: «Мордой — и в говно!»

Помню, как удивились мои мать и отец, смотревшие в тот момент телевизор вместе со мной, когда услышали это с экрана... Разумеется, не потому, что они не слышали этого слова раньше или не использовали его сами в своих взрослых разговорах.

Кстати, на этом слове тогдашние молодые интеллектуалы демонстрировали своё превосходство над профанами — объясняя, что, во-первых, пишется это слово не через «а», а через «о», а во-вторых — ещё более высокий уровень посвящённости, — что это слово очень любил употреблять Ленин.

В советских фильмах (как и в обыденной речи) выражение «сукин сын» использовалось легко и повсеместно. А вот слово «сука» как ругательное — уже крайне редко. Оно почти приравнивалось к матерному (неприличному). Причём в фильмах это ругательство, как правило, адресовалось мужчинам, то есть теряло своё сексуальное значение. По отношению к женщинам — гораздо реже и только в соответствующем событийном контексте. Конечно, я мог бы поделиться ещё кое-какими воспоминаниями-наблюдениями на сей счёт, но всего не расскажешь, многое ещё придётся помянуть и в дальнейшем, а сейчас ограничусь в освещении обценной лексики уже сказанным.

Поднимусь на уровень выше. Отдельные слова, ныне считающиеся абсолютно допустимыми (возможно, уже и лишившимися пометки «разг.» или «простореч.» в словарях),

в моём детстве, отрочестве и юности никогда не употреблялись в более или менее официальной (публичной) обстановке. Например, *мандраж* и *мандражировать*. Мне запомнилось, что когда однажды — надо думать, уже за пределами 70-х годов — я услышал в телевизионном эфире от одного из спортивных комментаторов на соревнованиях по фигурному катанию, что такой-то фигурист начал мандражировать, то очень удивился.

Вообще в сфере языка я воспитан и образован как пурист. И до сих пор таковым остаюсь. Посему, как правило, ещё и не люблю такие слова — не люблю не только произносить, но и слышать их. И никогда не произношу.

Это относится, например, и к глаголу «оклеветаться», который сразу, как только я его впервые услышал, мне не понравился. Не знаю, когда он легализовался как литературная норма (хотя что сейчас можно считать нормой?), но в моём отрочестве и юности я его не слышал. Так же, как и глагол «облажаться». Тоже грубый, тоже был когда-то просторечным — теперь нынешние *великие* (так как иных теперь не водится) *писатели земли Русской* запросто используют его в публичных выступлениях.

А вообще я слова люблю, в том числе и, между прочим, многие (не все) матерные (другое дело, что последние я про-

изношу только в определённых обстоятельствах — никогда при незнакомых, никогда при женщинах и детях, никогда — при подчинённых, кроме тех из них, которых считаю друзьями).

В первой книге я уже отмечал, что у меня вообще довольно много нелюбимых слов, которые я стараюсь не произносить. Перечислял, по-моему, следующие: *бюстгальтер*, *сорочка* (в смысле мужская рубашка), *туфли* (в смысле мужские ботинки).

К этому списку, помимо уже упомянутых выше, относятся ещё детское слово «козявка», которое и многие взрослые свободно используют в том же смысле, что и дети (а вот сказать «козявка» о каком-нибудь насекомом я могу свободно), а также все широко известные и легко употребляемые многими слова, описывающие процессы естественных физиологических отпращиваний. Меня почему-то корбит, когда эти слова произносятся. Сам я этого никогда не делаю. Тем более что, на мой взгляд, никакой нужды сообщать в этом случае окружающим, чем ты сейчас намерен заниматься, нет. Ну, совершенно никакой...

Ненавижу я слово «старнёр», появившееся ещё в конце 80-х, но тогда никто не употреблял его публично, тем более по телевизору. В частности, ещё и потому, что понятно, сокращением какого грубого и пошло-

го выражения оно является. А ныне это слово слышишь повсюду, чуть ли не с официальных трибун...

Дело даже не в том, что русский язык стал теперь более грубым. Нет, он стал более примитивным, гораздо более пошлым, фактически стёрлись различия между языком подростков и взрослых, мужчин и женщин (а ведь ясно, что в идеале и в норме женская речь должна быть более целомудренной, чем мужская), между языком простолюдинов и тех, которые продолжают считать и называть себя интеллигенцией.

Некоторые слова мне в детстве казались загадочными. Например, *гамаши* (увиденные и услышанные впервые у Корнея Чуковского, естественно). Долгое время не мог понять, что это такое. А в словари по нужным поводам я привык залезать уже в университете. Невинные *гамаши*, кто сейчас помнит о вас?! Потерявший защиту в лице русской интеллигенции вообще и писательского и актёрского сословий в частности, в нынешнем своём бытовании уже не великий и не могучий, а местечковый и пошлый наш язык, возродишься ли ты когда-нибудь?! Восстанешь ли против современного *вульгарного квазирусского говора*, постоянно разносимого по эфиру и массовому сознанию так называемыми *телезвёздами*, говора, не просто доминирующего и в устной, и в письменной речи, но самодовольно и невежественно царствующего, даже тиранствующего, заставляющего всех недовольных и несогласных, вроде меня, подчиниться ему и смириться с ним?!

P.S. Языковая тема кажется мне столь важной, что по ходу сочинения этой части моих *Воспоминаний* я начал составлять небольшой словарь наиболее характерных и памятных

мне слов и выражений 50-х и 60-х годов прошлого века. Это оказалось очень увлекательным делом.

Первоначально словарь насчитывал всего несколько страниц и располагался непосредственно вслед за этой главкой, но постепенно (а особенно тогда, когда я описывал свою жизнь в пионерском лагере) словарь разросся и в конечном итоге достиг более чем тридцати страниц машинописного текста. По этой причине я решил вынести его за пределы собственно жизнеописания и завершить им данный том моих *Воспоминаний*.

Эссе об анекдотах

Не хуже, чем собственно язык, передают дух времени и анекдоты. В России — определённо. Конечно, анекдоты передают этот дух всегда утрированно (или концентрированно?) и несколько однобоко, но всё же без них в воспоминаниях русского человека обойтись, по-моему, нельзя.

Не знаю, анализировал ли кто-либо анекдоты той поры (60-х годов XX века), но я хочу обратить внимание на их национальный аспект, который, конечно, не является националистическим, но всё-таки неслучаен.

Отдельно взятые анекдоты были только о *евреях* и о *хохлах*. Последних было меньше, чем еврейских анекдотов.

Серия «*армянское радио*», кажется, появилась как раз в 60-е, но сами армяне крайне редко в ней фигурировали. Впрочем, вроде бы была тогда серия так называемых *армянских анекдотов* (то есть про армян, а не про армянское радио), но что-то ничего конкретного я вспомнить не могу. Анекдоты про *чукчу*, если не ошибаюсь, появились уже в середине 70-х.

И *грузины* в 60-е как герои анекдотов почему-то отсутствовали.

Всего один анекдот был посвящён *финнам*, хотя по сути являлся *еврейским*:

Почему ликвидировали Карело-Финскую ССР? — Потому что при последней переписи населения выяснилось, что в ней только один финн. И тот фининспектор Финкиништейн.

Анекдотов того времени, где главным и единственным героем был бы русский, я не припомню. По-моему, они появились позже, но относились к числу очень литературных, почти сказочных. Как, например, очень нравившийся мне одно время анекдот, имевший даже особое название — «Русская тоска»:

Вышел утром мужик из избы. Посмотрел в одну сторону — лес. Потянулся и крикнул: «Ё... твою мать!» А из леса эхом: «Мааать! Маааать! Маааать!» Повернулся в другую сторону — степь. Крикнул: «Ё... твою мать!» А из степи эхо: «Маааать! Маааать! Маааать!» Плюнул мужик, сказал: «Ё... твою мать!» — и вернулся в избу.

Представители других, как тогда выражались, *народов СССР* героями анекдотов, как правило, не становились. О татарах я помню всего два анекдота, строго говоря, никак не связанных с обыгрыванием их национального характера. Потому и не привожу их здесь. Разные выводы, в том числе и спекулятивные, можно сделать из такого содержания циркулировавших тогда анекдотов. Я их здесь делать не буду.

А вот из ещё одной весьма популярной тогда (и всё последующее советское время) громадной серии анекдотов, в которых прямо указывалась национальность героев, вывод, на мой взгляд, можно сделать один-единственный,

он же — правильный. Эти анекдоты начинались примерно (а иногда и точно) так: «*Летят в самолёте русский, англичанин и француз...*» Или: «*Попали на необитаемый остров русский, американец и француз...*» Далее следовала какая-нибудь драматическая коллизия, в которой каждый из героев вёл себя сообразно фольклорному пониманию его национального характера. Русский — всегда, по внешним проявлениям, примитивней и прямолинейней англичанина, американца или француза, но, в конечном итоге, эффективней и эффективней. Именно он оказывался победителем, героем, пусть бесшабашным, но зато находящим лучший выход из сложившегося положения.

Американец и англичанин никогда не оказывались героями таких анекдотов одновременно. То есть ясно, что в *анекдотическом* смысле это был один и тот же национальный тип — англосаксы. А в политическом смысле совершенно очевидно, что в анекдотах этой серии соревновались между собой даже не столько три национальных типа, сколько представители трёх великих держав. Вот это я и считаю главным выводом, который можно и должно извлечь из самого факта появления и чрезвычайной популярности таких анекдотов. Советский Союз соревновался лишь с великими державами и, соответственно, нациями. Всё остальное в сознании русского (в анекдоте представитель СССР-России никогда не назывался советским, но всегда — русским) было геополитически и ментально второстепенным, малозначимым. Даже немцы тогда героями таких анекдотов не были. То ли потому, что к тому времени в сознании анонимных творцов русских анекдотов Германия из списка великих держав вы-

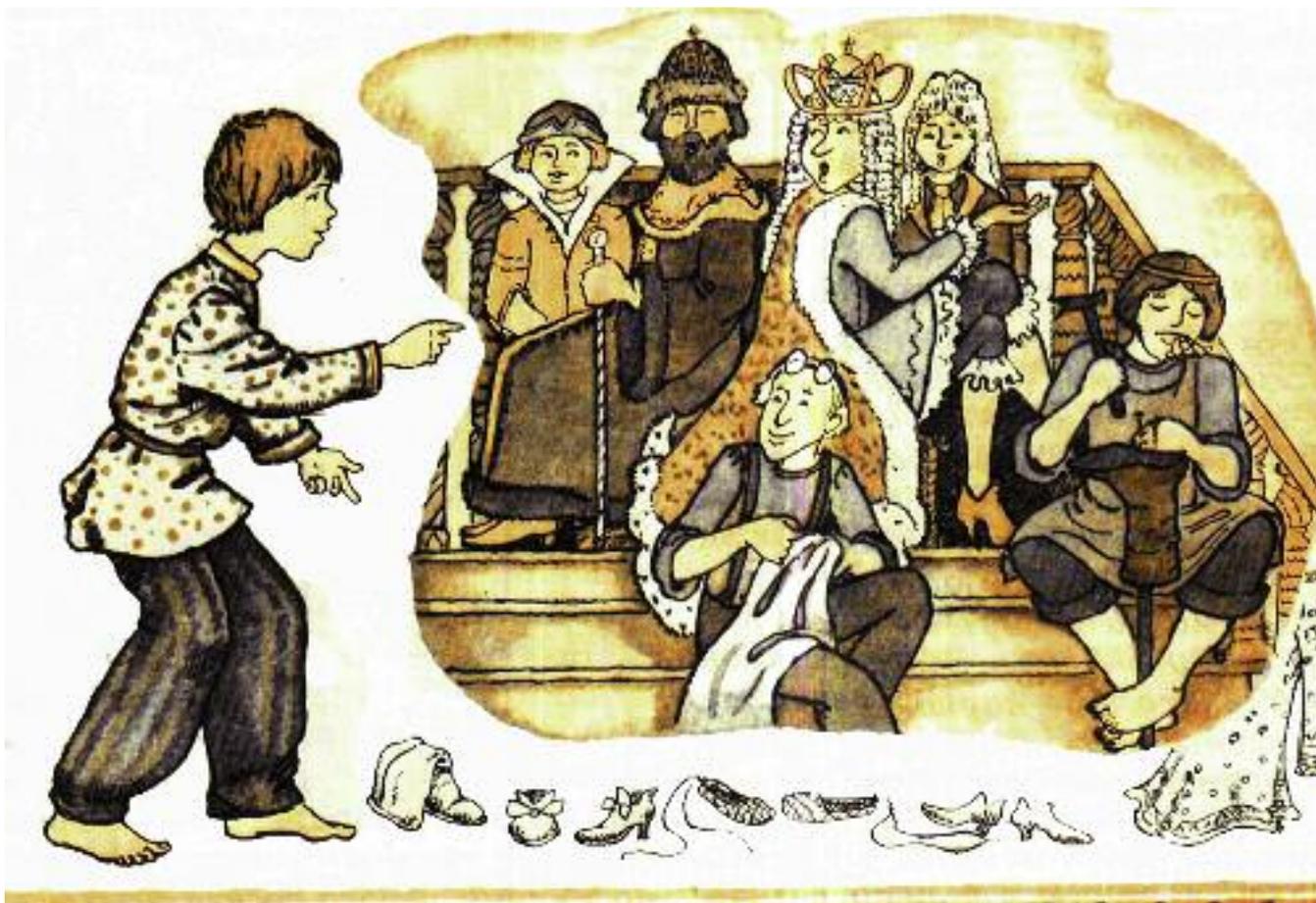
Резо Габриадзе. Скульптурная композиция «Памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу» в Одессе. 1995 год

Не знаю, анализировал ли кто-либо анекдоты той поры (60-х годов XX века), но я хочу обратить внимание на их национальный аспект, который, конечно, не является националистическим, но всё-таки неслучаен. Отдельно взятые анекдоты были только о евреях и о хохлах. Последних было меньше, чем еврейских анекдотов.

пала, то ли из-за слишком сложной для такого компактного жанра, как анекдот, политической конфигурации 60-х годов, в которой существовали две Германии: одна *не наша* — *Западная* (ФРГ), а другая *наша* — *Восточная*, социалистическая (ГДР). Со временем в таких анекдотах стали появляться и китайцы. Как четвёртый член пер-

воначальной геополитической троицы.

Даже итальянцев (а казалось бы, какая привлекательная для анекдота фигура) среди героев анекдотов не встречалось. Не припомню и анекдотов, в которых фигурировали бы представители тогдашних социалистических стран. По радио и в журналах любили рассказывать и печатать бол-

**На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной...
Кто ты будешь такой?**

гарские анекдоты (из Габрова), но в обыденной жизни они вообще отсутствовали. Так же, как и польский юмор, в том числе и в жанре анекдота, многие годы присутствовавший на советском телевидении в любимой всеми передаче «Кабачок “13 стульев”», в жизнь не уходил. Так в телевизоре и оставался.

Показательно, что теперь анекдоты из серии «Русский, француз и американец» практически исчезли. Для меня бесспорно, что это связано с уменьшением геополитического веса России. Стихийное народное самосознание русских это, конечно, уловило — и соответствующий пласт фольклорного творчества, перестав быть актуальным, иссяк.

Так что, господа геополитики и геостратеги, настоящий и будущие президенты России, следите, появятся или не появятся вновь такие анекдоты! Очень серьёзные выводы можно будет из этого сделать.

Чтобы завершить моё небольшое эссе о русских анекдотах 60-х годов XX века, скажу ещё, что, насколько я помню, персонально поименованными героями тех анекдотов были *Чапай*, *Петька* и *Анка* (все, естественно, из серии о Чапаеве), герой популярных советских детективов *майор Пронин* (но анекдотов о майоре Пронине я совсем не помню), *поручик Ржевский*, а также *школьник Вовочка*, который постепенно и в некоторых анекдотах стал приобретать черты юного Владимира Ильича Ленина. Ну и, разумеется, взрослый Ленин (но тогда ещё редко), Сталин (чаще) и Хрущёв (очень часто). Анекдоты

про Брежнева стали появляться уже в 70-е годы. И к концу 70-х Леонид Ильич уже уверенно лидировал в серии анекдотов о вождях, оставив далеко позади практически забытого всеми, несмотря на его очевидную анекдотичность, Хрущёва.

Наконец, совершенно ответственно свидетельствую: никаких страхов, рассказывая друг другу так называемые *политические анекдоты*, мы, подростки, тогда не испытывали. Может, взрослые по старой памяти чего-то и опасались, а мы — нет.

Из детского и подросткового городского фольклора тех лет

И без краткого описания этого, естественно, обойтись в воспоминаниях нельзя. Здесь я позволю себе не заниматься никаким, даже самым беглым, анализом большин-

ства представленных текстов. Просто предлагаю читателям небольшую *хрестоматию* того, что постоянно звучало в наших детских и подростковых играх и в нашем общении (в том числе и с родителями). Эта *хрестоматия* дополняет все три части, включая первую (с моих малых лет), книги «Детство и отрочество». Сначала, на всякий случай, самое известное. Потом то, что, может быть, уже и забыто.

*Тише, дети! Не шуметь!
(Не реветь!)
По горам идёт медведь!*

*Тише, мыши! Кот на крыше!
А котята ещё выше.*

*Силач Бамбула поднял... ножку
от стула,
Гнёт в дугу... кошачий хвост!*

*Жади́на-говя́дина!
Ту́рецкий бараба́н!
Кто на нём игра́ет?
Имярек-тара́кан!*

*Раз, два, три, четыре!
Меня грамоте учили.
И читать, и писать,
И в куколки играть.*

*В «Арифметике» Попова
Нарисована корова
С бородавкой на носу,
Ест (жрёт) чужую колбасу.
(Вообще-то автор знамени-
той школьной «Арифметики»
не мужчина — Попов, а жен-
щина — Попова Наталья Сер-
геевна.)*

*Раз, два, три, пятачок!
Где наш Ваня-дурачок?
Кто твоя невеста? Как её
зовут
И откуда привезут?*

(Считалка. Возможно, я её не совсем точно по памяти передал. Тот, на кого выпадали слова про *Ваню-дурачка*, должен был указать на *невесту* — она становилась водящей в игре.)

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
— Буду резать, буду бить!
Всё равно тебе водить!*

*На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король,
королевич,
Сапожник, портной...
Кто ты будешь такой?*

*Вам барыня прислала сто
рублей.
«Да» и «нет» не говорите,
Чёрный с белым не берите.
Вы поедете на бал?*

*Жили-были дед и баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу —
Хвать(хлоп) по пузу кулаком!*

*Ехал грека через реку.
Видит грека — в реке рак.
Сунул грека руку в реку —
Рак за руку греку цап!*

*Ну! Баранки гну.
Как согну двадцать одну,
Так тебе дам одну!*

*Едет поезд, рельсы гнутся,
Под мостом попы дерутся,
Один маленький попок
Убегает без порток.*

*Кто сказал, что Гитлер умер?
Я вчера его видал:
Без порток, в одних кальсонах
Пятилетку догонял.*

*Сегодня под мостом
Поймали Гитлера с хвостом.*

*Села муха на варенье —
Вот и всё стихотворенье.*

*У Лукоморья дуб спилили,
Златую цепь в торгсин снесли,
Русалку в море утопили,
Кота на мясо изрубили...*

*Царь (Дед) Колбаска
Нас... в коляску
И поставил в уголок,
Чтоб никто не уволок.*

*Цикл, цикл, мотоцикл,
Мальчик девочку обс...,
Девочка заплакала,
Мальчика обк....*

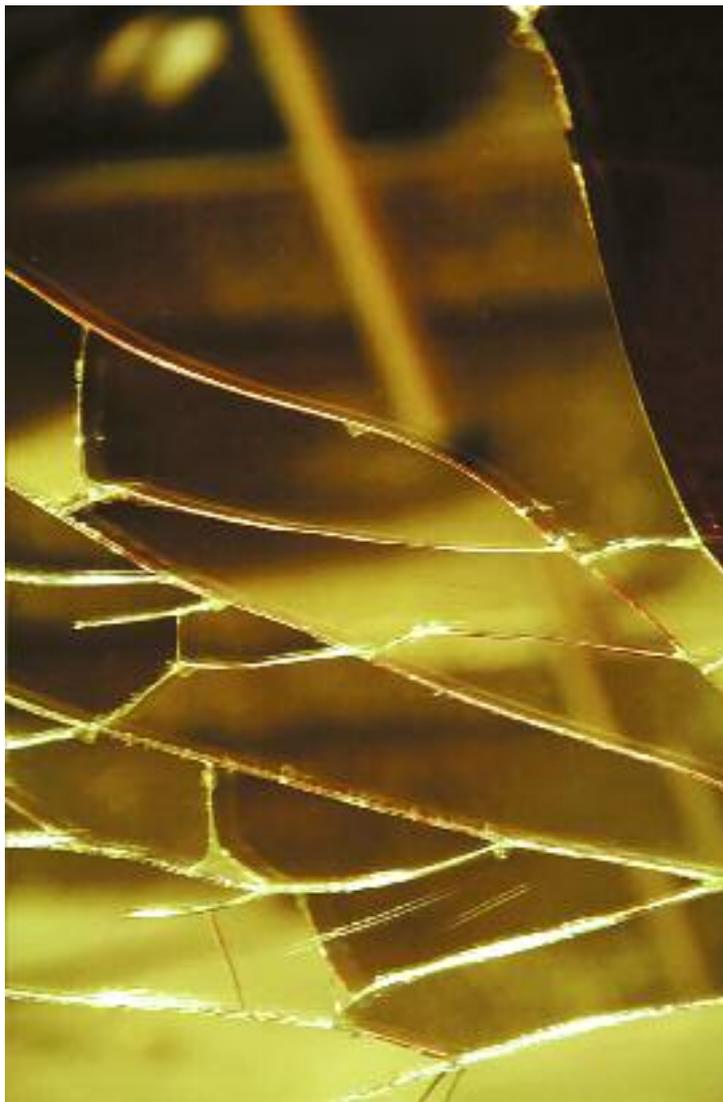
*Мы таких м...
Сибибали х... с бугорков.*

*Один американец
Засунул в ж... палец
И думает, что он
Заводит граммофон.
(И вытащил оттуда
Г... четыре пуда.)*

*Раз по струнам, раз по пальцам,
Раз по ж..., раз по яйцам.
(О малоискусных гитаристах.)*

*Берия, Берия,
Нет к тебе доверия,
А товарищ Маленков
Надавал тебе пинков.
(Последнее в нашем подро-
стковом общении не имело
никакого политического под-
текста. Произносилось про-
сто как забавная частушка.)*

*У попа была собака — он её
любил.
Она съела кусок мяса — он её
убил.
И в землю закопал. И надпись
написал:
«У попа была собака — он её
любил.*

Разбить зеркало. – К беде. По меньшей мере – к ссоре.

Она съела кусок мяса – он её убил.

И в землю закопал. И надпись написал...»

(Почему-то это абсурдистское рифмованное рондо как было популярно в те времена, так до сих пор таковым и осталось. Не упомянуть его в любом случае нельзя – так сказать, классика жанра!)

Здесь я ограничился (из того, что вспомнил) в основном нейтральным детским фольклором. Заветные (эротические и похабные) его проявления я обязательно опишу, но в другом – более подходящем для того – месте, когда буду рассказывать о своём отдыхе в пионерском лагере.

Обычаи, приметы и суеверия

Сейчас возникло множество примет, суеверий, присловий и прочего в этом роде, в основном, насколько я понимаю, позаимствованных из голливудских фильмов. На меня всё это производит удручающее впечатление. Не могу без отвращения слышать разные там «держим за тебя кулачки», «вторая половинка», «звучит заманчиво», «ты в порядке?»... Зубовный скрежет вызывает у меня жест, показывающий кавычки скрюченными пальцами обеих рук.

Может, это консерватизм (дремучий, естественно, замшелый), может, возрастное... По-

моему, вкус. Более тонкий, чем у нынешних борзописцев и недоделанных ораторов.

Но клеймить современные нравы не есть моя цель и задача в этих *Воспоминаниях*. Главное – описать нравы того времени. Вот кое-что ещё, что его характеризует. Из мелочей – примет, суеверий, обычаев.

Птица залетела в окно. – К какой-то беде или даже к покойнику. Мать очень этого не любила. Голуби залетали к нам довольно часто (летом-то мы жили практически с открытыми окнами), но никаких бед, пришедших непосредственно вслед за этим, я не припомню.

Разбить зеркало; просыпать соль. – К беде. По меньшей мере – к ссоре.

Счёт месяцев по костяшкам пальцев. – Дети, а порой и взрослые часто путались с числом дней в том или ином месяце, а особенно в том, сколько дней в июле и августе. И счёт по костяшкам помогал найти правильный ответ.

Куриная косточка-рогатка. – Она появляется при разделке тушки курицы. И полагалось двум людям взяться за дужки этой косточки мизинцами и каждому тянуть в свою сторону. Тот, у кого, когда косточка ломалась, оставался обломок с лопаткой на конце, *будет жить дольше.*

Соударение пасхальными яйцами. – Тут выяснялся менее экзистенциальный вопрос – просто кто сильнее. Соперники одновременно били пасхальными яйцами (сначала острыми концами, затем – тупыми), зажатыми в руке. Тот, у кого скорлупа на яйце трескалась, проигрывал и считался более слабым.

Присесть перед дорогой. Присядем на дорожку! – Обязательно

ный призыв. И обязательно присаживались. В моей семье и до сих пор это принято.

Возвращаться — плохая примета. — Этого правила все придерживались. Если, выйдя из дома, вспоминали, что забыли какую-то вещь, то не возвращались сами, а просили — криком в окно или в дверь — вынести её того, кто дома оставался. А если такового не было, то предпочитали оставить забытое дома, но не возвращаться за ним.

Не здороваться и не прощаться через порог. — Обратное считалось дурной приметой. Я этого правила всегда придерживаюсь. Даже с иностранцами, которым приходится объяснять, почему нельзя такое делать.

Не свистеть дома. — Считалось, что свист дома к чему-то неприятному. Конкретно — денег не будет.

Постучать по чему-то деревянному. — Чтобы желаемое, если оно произнесено вслух, сбылось. То есть, чтобы самому невзначай не *сглазить* нужный ход событий. До сих пор соблюдается и широко распространено.

Сплюнуть через левое плечо три раза. — То же самое, но мало кем и тогда соблюдалось.

Сглаз. Дурной глаз. — С одной стороны, я никогда не встречался в то время с тем, чтобы кто-то кого-то реально *сглазил*. Под реальными я понимаю такие случаи, которые касались бы моих родственников или друзей и были подтверждены знакомыми мне людьми. Но с другой стороны, убежденность, что *сглаз* есть нечто реально существующее, была распространена, особенно среди женщин. Матери, в том числе и моя, очень

не любили, когда кто-то, особенно чужой, слишком уж сильно начинал хвалить их детей. Такие похвалы, по мнению женщин, как раз и были чреватые *сглазом*. О некоторых людях так прямо и говорили: «У него (чаще — у неё) *дурной глаз*».

Когда Вовка заболел и мы осознали всю злокачественность напавшей на него хвори, Нина Ивановна частенько говорила, что кто-то его *сглазил*. Никаких конкретных имён она не называла, но, кажется, была уверена в том, что без *дурного глаза* или даже специально наведённой *порчи* тут не обошлось.

Но вот у меня самого спустя много лет, а именно — в сентябре 2009 года, случился разговор, который, если учесть, что через два дня меня разбили на машине в Абхазии, можно прямо трактовать как *сглаз*. В своё время расскажу об этом.

Красная шерстяная нитка на запястье. — Мать часто носила такую сама и в случае некоторых болезней надевала нам. Вообще-то она говорила, что такая нитка (обязательно шерстяная и обязательно красная) успокаивает боли в сердце, которые у неё случались, отдающие, как правило, в правую руку (потому и нитка надевалась именно на эту руку). Но у меня-то сердце не болело, а вот в правой руке боли почему-то случались. Как раз в запястье. Точно помню, что иногда я неделями ходил с красной ниткой на руке. Постепенно это стало восприниматься как просто украшение, некий знак индивидуального отличия.

Но после того как я ушёл из дома родителей, я перестал пользоваться этим то ли *оберегом*, то ли лечебным средством.

Запрет показывать чужие болячки на себе. — Если кто-то,

рассказывая о чьей-то болезни, непроизвольно показывал, что или где у того болит, женщины непременно и стремительно вскрикивали: «*Не показывай на себе!*»

Гадание по реснице. — Нужно было положить (особенно это любили делать и обязательно делали девочки) выпавшую из века ресницу на тыльную часть ладони и ударом по ней кулака другой руки эту ресницу сбросить. Если ресница слетала — желание должно было сбыться. Сейчас, по-моему, совсем забыли эту примету. Или ресницы у людей перестали выпадать? В моём детстве постоянно так с ресницами обходились.

Падает нож — придёт мужчина. Падает вилка — придёт женщина. — При падении ножа или вилки кто-нибудь обязательно произносил соответствующую фразу (точнее — вторую её половину). Хотя, по моим наблюдениям, практически никогда эта примета не подтверждалась. Но до нынешних дней, тем не менее, дожила.

Обжегши пальцы, хвататься ими за мочку уха. — Наверное, это было что-то вроде приёма домашней медицины. И логично было бы переместить этот приём в соответствующую главу. Ну да пусть здесь останется. А у меня эта привычка до сих пор сохранилась.

Выпить на посошок! На посошок! — *На посошок* выпивали обязательно. Если даже ни в кого уже ничего даже теоретически влезть не могло.

Чёрт! Чёрт! Поиграй и отдай! — Нечто вроде заговора, шутейного, конечно, при потере какой-то вещи. Но произносили его, особенно девочки, часто. И некоторые говорили, что помогает. 📄